

КНИГА ПЕРВАЯ
НА ЧУЖОМ
БЕРЕГУ

Часть первая МОРСКОЙ ДОМ

1

В море властвует морской Бог Ньёрд. Когда этот Бог гневается, случается шторм.

Далеко-далеко, над самым сердцем океана, в ночной тьме закручивался облачный водоворот. Половину населённого мира покрывала его непогожая сень. По краям ласкал землю тихий весенний дождь, дарующий плодородие полям. Ближе к середине гремели грозы, пронесился порывистый ветер. А над Западным морем клубилась косматая тьма.

От горизонта и до горизонта пировал бешеный вихрь, и оскаленное море сотрясало береговые кручи. Ветер гнул сосны и ворошил земляные крыши домов.

Вдали от берега под летящими тучами одна за другой кагитились чёрные горы. Ветер срывал тяжёлые гребни и нёс их прочь, и трудно было понять, где кончалась вода и начиналось небо.

Вдали от берега погибал корабль.

Буря разорвала его парус, расшатала деревянные члены. Волны перебрасывали одна другой разваливающийся, переставший сопротивляться остов.

Между палубными досками сочилась вода. Солёная сырость пропитывала свёрнутые ткани, обволакивала бочки с зерном и мукой. Деревянные борта скрипели и прогибались. За рёвом ветра не было слышно, как глубоко в тёмном трюме корабля стучал о крепкую дверь тяжёлый висячий замок.

За дверью сидела молодая девчонка, купленная в городе Ладоге на невольничьем торгу.

Уже целую вечность её мотало туда-сюда по зыбкому осклизлому полу. Очередная волна цепко хватала корабль —

конец! Тёмное дно и бородатый морской дед — отпустит ли русалкой по озёрам, по чистым речкам возвратиться домой? Было или не было — выплывало из-за лесов прохладное светлое утро, и она босиком выбегала из родительского дома в родном Кременце... Были же у неё когда-то и мать, и отец, и смешные младшие сестрёнки, и... прощай, родимый, вспоминай свою суженую, другая разует тебе резвые ноженьки в святую купальскую ночь, не поминай лихом — прощай!

Но корабль с предсмертными стонами карабкался на волну, сбрасывая с палубы потоки воды. Иногда до слуха невольницы долетали проклятия и команды, обрывки молитв. Вот мимо закутка торопливо зашлёпали мокрые сапоги, слышался негромкий металлический звон.

Девчонка вскочила на ноги, что было мочи забарабанила в толстую дверь:

— Отворите!

Веще чутьё подсказало ей — вот сейчас корабль будет покинут. Быть может, это камни очерили впереди вечно голодные зубы. Или пучина расступилась перед носом корабля. Или просто не было больше надежды спасти купленное добро...

Новая волна повалила судно набок, отбрасывая её от двери. Она вскочила и кинулась обратно.

— Отворите!

Но корабельщикам было не до неё. Вскоре лодка отвалила от борта и тут же исчезла в кипящей темноте. Судорога корабля снова швырнула девчонку на пол, и она больше не пыталась подняться.

Теперь стеречь её было некому. А может быть, её намеренно оставили здесь — умиловить морского деда? Высоко наверху хрустнула мачта, словно кость, переломленная ударом. Море протянуло из-под двери холодные пальцы. Толстая коса сперва поплыла, но скоро отяжелела, набрякла...

Рассвет ненадолго разогнал тучи, и вздыбленные спины волн утратили жуткую черноту. Зелёно-розовые, размежёванные прозрачными тенями, они грядя за грядой надвигались на остров и бешено вскипали у подножия скал. Сверху было хорошо видно, как они налетали на камни, медленно

рушились навзничь и тотчас же с рёвом восставали для новой схватки...

Благосклонные Боги создали мир наподобие жилого двора. С той только разницей, что вместо забора его ограждала беспредельная океанская ширь. Рано или поздно люди пересекут и её. Ибо нет такой ограды, за которую человек не попытался бы заглянуть.

Но тем мореходам ещё предстояло родиться.

Неистовый ветер рвал кожаный плащ, разглаживал жёсткую бороду, нёс за плечи длинную гриву волос, не то седых, не то от рождения белёсых. Голубые глаза, почти не щурясь, обшаривали утренний горизонт. Ветер и человек были давнишними друзьями. Олав кормщик, по прозвищу Можжевельник, родился на корабле. На том самом, что стоял на якоре в бухте, под защитой скал.

В давно минувшие времена волны выгрызли у острова середину и, словно удовлетворившись, навсегда утихли в отвоёванной бухте. Самому жестокому шторму не удавалось вкатить сюда тяжёлую зыбь. Корабль отдыхал.

Это была боевая лодья — длинный, хищно вытянутый чёрный корабль с высоко поднятыми носом и кормой. Такой корабль, стремительно бегущий по морю, назывался «дрэки» — дракон. Жители южных земель, привыкшие бояться полосатого паруса, со страху переименовали: драккар. Во время походов форштевень корабля украшали резной мордой чудовища — на страх недругам и всяким злым силам, таящимся в морской глубине. Но теперь дракон был снят и убран под палубу. Негоже пугать духов гостеприимного островка.

Олав кормщик сын Сигвата гордился своим кораблём и любил его. Корабль — это дом, это богатство, это преданный друг. Не всякий рождается на палубе, но для многих боевой корабль становится ещё и могилой. И нет могилы почётней.

Весь вчерашний день и половину ночи викинги боролись со штормом. Разъярённые волны врывались на палубу, окатывая гребцов и грозя унести за борт. Люди сидели по двое на весло, привязавшись к скамьям, и работали не жалея сил. Впрочем, они знали свой драккар и не боялись, что море сумеет с ним справиться. Так и вышло: в конце концов Олав

разыскал в море этот островок и направил корабль в бухту, ориентируясь по гремящему во мраке прибою. Он знал, что здесь всегда можно укрыться. Бросив якорь, мореходы спустили мачту, закрыли затычками гребные люки и натянули над палубой кожаный шатер. Большинство воинов спало ещё и сейчас.

Олав спустился вниз и пошёл по прибрежным камням к кораблю.

Возле сходней стоял один из викингов и умывался, раздевшись до пояса.

— Ветер отходит, Халльгрим хёвдинг, — сказал ему Олав. — Буря начинает стихать.

Халльгрим хёвдинг, то есть вождь, был суровым великаном тридцати трёх зим от роду. Вершинная пора жизни, которую он не успел ещё миновать... Но выглядел он старше, как все, кто избрал своим домом палубу боевого корабля. И уж если он повышал голос, отдавая команды, то этого голоса не мог заглушить никакой ураган.

Он стряхнул воду с длинных усов и проворчал:

— Хорошо.

С подветренной стороны острова было почти так же тихо, как в бухте. Серые громады скал уходили высоко в небо, заслоняя от ветра, и даже на порядочном расстоянии от берега вода была гладкой. Ветер лишь изредка ерошил её рябью, обваливаясь откуда-то сверху.

По кромке воды шли мужчина и мальчик. Мужчина был молод и очень похож лицом на Халльгрима — и странно было бы им, двоим братьям, не походить друг на друга. Но мальчишка казался похожим на вождя ещё больше, потому что был его сыном. Звали его Видгой, и минуло ему пятнадцать зим.

Сын хёвдинга шагал впереди, а мужчина придерживался за его плечо и спотыкался о камни, через которые Видга переступал без труда.

Неожиданно мальчик остановился.

— Корабль лежит на мели, — сказал он, присматриваясь. И добавил: — Это торговый корабль, и его не было здесь вчера.

Ломающийся голос обещал со временем стать в точности как у отца.

Слепой отозвался, помолчал:

— Мало похоже, чтобы там были живые.

Видга сказал:

— Они потонули, Хельги. Или ушли на лодке.

Брат отца был едва на десять зим старше его, и мальчишка чаще звал его просто по имени.

Отлив оставил вокруг корабля по колено воды. Мёртвое судно лежало на боку, показывая покрытое зеленью брюхо. Мачта плавала возле борта, удерживаемая снастями. Время от времени набегающие волны сильнее раскачивали толстое бревно, и оно глухо било в смолёные доски. Пройдя вброд по воде, Видга и Хельги взобрались на палубу.

Расторопный песок уже начал заполнять внутренности судна. В развороченном трюме гуляла вода — морской Бог Ньёрд уложил в свои сундуки весь груз купца...

По-прежнему не было видно ни души. Но тут слепой снова взял Видгу за плечо, и его пальцы настороженно сжались.

— Здесь кто-то есть.

Его рука указывала вниз, в полузатопленное чрево лодки. Видга присмотрелся и различил отгороженный закуток. На двери, погружённая в воду, ещё колебалась ржавая бляха замка. Железный страж упрямо караулил брошенное добро.

Мало ли что могло затаиться на покинутом корабле... Но не годится викингу трусить. Видга решительно спустился в трюмный лаз и подобрался к двери. Песчаная отмель уже начала втягивать добычу в свои недра — вода здесь была Видге по грудь.

— Эй! — окликнул он вполголоса, дёрнув замок.

Ни звука.

Хельги слез в трюм следом за Видгой, оцупал дверь и вытянул из-за ремня топор.

— Отойди-ка...

Его удар был точен и силен. Замок громко лязгнул и канул в мутную воду. Видга на всякий случай приготовил нож и рывком распахнул дверь.

Халльгрим хёвдинг уже собирался идти искать сына и брата, когда те сами вышли к кострам.

Хельги нёс на руках человеческое тело, закутанное в плащ.

— Её зовут Ас-стейнн-ки, — сказал он, опуская свою ношу возле огня. — Это не совсем так, но лучше не выговорить.

Потревоженная голосами, она приподняла веки, чтобы безучастно оглядеть склонённые над ней бородатые лица... Потом её ресницы вздрогнули и опустились опять.

2

Где та страна, в которой пища сама приходит на стол?

Издrevле сурова была Норэгр, омытая волнующимся морем, увенчанная горами, прорезанная каменными расщелинами фиордов... Были в ней стремительные реки и клокочущие водопады, были обильные дичью леса, были цветущие горные пастбища и ночные сполохи в провалах зимнего неба.

Только одного не было почти совсем — пахотной земли.

Чтобы собрать урожай, за полями ухаживали, точно за больными детьми. Очищали от камней, унавоживали, сдабривали толчёными ракушками и яичной скорлупой. Но пашня оставалась скудна.

Море, вплотную подступавшее едва не к каждому жилому двору, часто оказывалось щедрее земли. В зелёной морской глубине косяками ходила жирная сельдь. А за сельдью с разинутыми ртами следовали киты. И случалось, что скот дотягивал до новой травы, питаясь рыбьими головами.

Вот и стоял в каждом дворе просторный корабельный сарай. А в сараях дремали на катках дубовые корабли.

И было так.

Однажды выбитые градом поля не отдали обратно даже того, что было посеяно. Разгневанный морской хозяин отогнал от берегов рыбы стада. Оскудело пастбище, и у коров пропало молоко.

А дети рождались.

Самого первого викинга отправил в море голод.

Кто придумал снарядить корабль и уйти искать страну, где коровы доятся сметаной, а треска ловится и летом и зимой? Сыскался крепкий хозяин, выставил морскую лодью, не боящуюся бурь. Вооружились и сели в неё отчаянные парни. И пустились вдоль побережья на юг. Брали на берегах скот и зерно. Платили — когда серебром, а когда собственной кровью... И вернулись возмужавшие, украшенные рубцами, пропахшие солью лебединой дороги. Привезли съестные припасы на зиму и украшения подругам. И пленников-трэлей — работать в хозяйстве. Развесили по стенам иссечённые щиты. И мечи, зазубренные в схватках. И поставили у дорог памятные камни в честь друзей, которым возвратиться не довелось.

А потом выросли дети тех, первых. И стали отправляться на добычу не только в голодные, но и в сытые годы. А потом и у них выросли свои дети. И мирных Богов земледелия возглавил одноглазый Один — покровитель воинов и войны... Всё дальше от родных берегов заплывали драконоголовые корабли. Соседи-южане, совсем не трусливые люди, только молились.

Драккары разваливали форштевнями волны. Каждого вождя окружал хирд — крепко сколоченная дружина. За вождя и друг за друга хирдманны стояли насмерть. Таков был их закон, и этот закон приносил им победу. Они высаживались на берег и учиняли такое, что уцелевшие жители долго потом вскрикивали во сне...

И уходили обратно на север. К прекрасной и суровой родной земле. Там ждал тёплый длинный дом за оградой в знакомом фиорде. И заботливые матери, и ласковые жёны, и любопытные, восторженно галдящие дети...

Четверо сыновей было у старого Олава кормщика: Бьёрн, Гуннар, Гудрёд и Сигурд. Двое средних ждали на берегу, Бьёрн с Сигурдом — самый старший и самый младший — сопровождали отца. Суровый бородатый Бьёрн сидел на высоком сиденье у рулевого весла. Драконий хвост, венчающий корму, поднимался над его головой. Боевая лодья слушалась его не хуже, чем самого Олава, но разглядел чужака

не он. Сигурд, белоголовый крепыш, и Видга сын хёвдинга одновременно вытянули руки:

— Корабль!

Девчонка, найденная на острове, сидела рядом с Хельги на дубовой скамье, третьей спереди по правому борту. Брызги летели щедро, но Хельги дал ей свою куртку, сшитую из промасленной кожи, и кожаную же шапку. Такая одежда не пропускает ни сырости, ни ветра, в ней тепло.

Драккар шёл на вёслах. Полосатый парус хорош в дальнем походе, но в бою, когда враг вот-вот будет достигнут, сподручнее грести.

Хельги молча работал длинным веслом, его руки привычно лежали на отполированной ладонями рукояти, ширококостные, могучие пальцы — что железные прутья... Он назвал её Ас-стейнн-ки. Дома её звали Звениславкой — целых шестнадцать лет, до тех самых пор, покуда не сцапали её вечером в лесу недобрые гости, свои же словене, да не впихнули в мешок, да не свезли в город Ладогу, на торг, да не продали за пригоршню серебра немцам-саксам из далёкой рейнской земли.

Хельги ей сказал:

— Начнётся бой — спрячешься под скамью.

Северную речь Звениславка разумела без труда. Зимой приезжал к ним в Кременец свейский гость и жил, хворый, у князя в доме до самой весны. Она с тем гостем под конец объяснялась вовсе свободно, ни у кого так-то не выходило, даже у молодого князя, а уж на что князь умён был да хитёр. Иные ей тогда завидовали: на что тебе, девка, чужеплеменная-то речь, не иначе за море Варяжское с купцами разбежалась? А сама она, глупая, знай только радовалась, что и со свеем по-свейски, и с хазарином по-хазарски, и с булгарином на его языке, и с мерянином, из лесу пришедшим... Кто ж ведал, что оно так повернётся!

Чужак так и не сумел уйти от погони. Пузатый, медлительный, он не мог соперничать с северным кораблём. Тот летел над водой, словно крылатый зверь, учуявший поживу.

Скалился на форштевне зубастый дракон. Тридцать два весла размеренно взлетали и падали. Расстояние уменьшалось.

Чужой корабль был немецким.

Звениславка отчётливо видела стоящих у борта... Многие уже надели на себя кожаные брони и круглые шлемы, взяли в руки мечи. Эти люди были опытны и знали: викинги навряд ли станут спрашивать, что новенького слышно.

Потом драккар догнал купца и пошёл рядом, держась на некотором расстоянии. Халльгрим хёвдинг приложил ладони ко рту.

— Я Халльгрим сын Виглафа Ворона из Торсфиорда! — полетел над морем его голос. — А вы кто такие и куда идёте?

Голос у него был низкий, навечно охрипший от ветра. Его наверняка слышали на другом корабле, но ответа не последовало. Сын Ворона выждал некоторое время и сказал:

— Я предлагаю вам выбор. Можете сесть в лодку и добираться до берега, если вам повезёт. Или защищайте себя и корабль!

Это был обычай, и обещание оставить жизнь нарушалось редко. Но немцы не поверили. С кормы купца взвилась одинокая стрела. Ветер остановил её на середине пути, и она обессиленно упала в воду. Викинги засмеялись.

Халльгрим кивнул Бьёрну Олавссону, и тот слегка повернул руль. Быстрее заходили в гребных люках сосновые вёсла... Воины, не занятые греблей, разбирали висевшие по борту щиты, надевали железные шлемы и толстые куртки, обшитые железными чешуями. Открыли под палубой дубовый сундук, и длинные мечи поплыли из рук в руки, каждый к своему владельцу.

Халльгрим хёвдинг встал на носу, возле дракона, и раскачал в руке тяжёлое копьё. Он посвятит его Одину, метнув во врага. Так начинали бой могучие предки, и это приносило удачу.

Тяжёлые копьё мало подходят для того, чтобы их метать. Их украшают узорчатым серебром и в сражении не выпускают из рук. Но доброго воина любое оружие слушается беспрекословно. Широкий наконечник со стуком вошёл в око-

ванный щит, и немца опрокинуло навзничь. Проревел над морем боевой рог, и с драккара посыпались стрелы.

— Я же сказал тебе — прячься! — проворчал Хельги недовольно.

Звениславка нырнула под скамью...

Обитый медью форштевень ударил во вражеский борт. Затрещало крепкое дерево, иные из немцев, не устояв, повалились на палубу. Якоря и багры вцепились и потащили корабли друг к другу. Стрелы били в упор.

Защитники корабля выставили перед собой копьё, но это была отвага конца. Халльгрим первым перескочил через борт, занося над головой меч.

3

Когда с каждой стороны всего по одному кораблю и на каждом не так уж много людей, морской бой не затягивается надолго. Так и в этот раз. У купцов хватило мужества не сдаться без схватки, но для упорного сопротивления не было сил.

Ратное счастье почти сразу поставило Халльгрима лицом к лицу с предводителем. У того блестела в бороде седина, но соперником он оказался нешуточным. Даже для Виглафссона. Железные мечи с лязгом отскакивали друг от друга. Только ключья летели от обтянутых кожей щитов. Однако и Халльгрима не зря называли вождём. Купец тихо охнул и поник на палубу, которая ему больше не принадлежала. Халльгрим перепрыгнул через него, на ходу отшвыривая чей-то занесённый клинок. Закинул щит за спину и двумя руками обрушил перед собой свой меч.

Двое братьев Олавссонов сражались поблизости, неразлучные, как всегда. И Бьёрн уже дважды наклонился связать оглушённого сакса. А у Сигурда было в руках ясеневое копьё, и меньшей сын кормщика ещё успевал оглянуться — не ввязался ли в битву отец. Можжевельник был могучим бойцом, и все это знали, но Халльгрим давно уже запретил ему сражаться, сказав так:

— Когда ты понадобишься Одину на его корабле, он тебя призовет. А пока ты нужен мне на моём.

Олав и Хельги были единственными, кто остался на драккаре. Олав невозмутимо сидел у руля, заслонившись круглым щитом, и смотрел, как рубились его сыновья. А Хельги не укрывался ни от свирепого ветра, ни от стрел. Не то верил, что случайная гибель его обойдёт, не то намеренно привлекал её к себе...

Потом Халльгрим вытер меч и сдвинул со лба шлем. Корабль был очищен.

Викинги хозяйничали на палубе. Кто-то снимал с убитых оружие. Другие вязали пленных и загоняли их в трюм драккара — сидеть в темноте, пока не понадобятся. Третьи потрошили тюки, разбирая добычу.

Сын Ворона ещё раз обвёл глазами корабли. Немалая удача, когда обходится без потерь.

Сильные руки переправляли на драккар взятое в бою. Плыли через качающийся борт бочонки русского мёда, позвякивало в мешочках светлое серебро, мягко шлёпались связки мехов, укутанные от сырости в мешковину и кожу... Будет чем похвастаться дома.

Видге нынче повезло больше других. Мальчишка один на один уложил воина втрое старше себя, и ему достался редкостный меч — упругий и длинный, с неизвестными письменами на воронёном клинке. Этот меч был зачем-то снабжён острым концом вместо обыкновенного закруглённого, можно подумать, неизвестный мастер собирался не только рубить им в сражении, но и колоть, как копьём. Внук Ворона решил про себя, что при случае это надо будет исправить, а покамест опоясался новым оружием и зашагал по палубе, взвалив на плечи увесистый тюк...

Освобождаемый от груза, торговый корабль раскачивался на волнах всё сильнее. Скоро к Халльгриму подошли сказать, что трюм опустел.

Хёвдинг оглядел палубу, на которой там и сям лежали погибшие защитники судна.

— Они не струсил, — сказал Виглафссон. — Да и сражались неплохо. Они заслуживают, чтобы им вернули корабль, и пусть Эгир гостеприимно встретит их в глубине. Прорубить дно!

В развороченных недрах судна тотчас отозвался топор. Деревянное тело вздрогнуло, начиная принимать в себя воду. Немного погодя драккар выдернул вонзённые когти и легко соскользнул прочь.

— Поставить парус! — скомандовал Можжевательник.

Красно-белое полотнище затрепетало и напряглось. С его нижней шкаторины свисал добрый десяток шкотов — мореходы закрепили их и ещё растянули углы паруса длинными шестами, чтобы лучше брал ветер.

Воины устраивались на скамьях и один за другим отстёгивали мечи. И тогда-то полоснул с тонущего судна тонкий, отчаянный крик.

Веселившиеся хирдманны примолкли, стали оглядываться назад. Кричал, конечно, не сам корабль, а оставшийся на нём человек.

— Женщина, — пробормотал кто-то.

Другой добавил:

— Спряталась, наверное.

А Сигурд Олавссон молча вскочил на борт и сильным прыжком бросился в ледяную воду.

Халльгрим перешёл с носа на корму и сказал:

— Твой сын мог бы прежде спросить у меня разрешения. Однако правду говорят, будто смельчаки редко спрашивают, что можно, а чего нельзя.

Старый Олав покосился на него через плечо и приказал готовиться к повороту.

С драккара хорошо видели, как Сигурд, вытянув руки, долго плыл в прозрачной толще воды. Потом его потемневшая, прилизанная голова вынырнула чуть ли не у тонущего корабля. Дымный гребень тут же снова похоронил его, и кто-то охнул, но Сигурд вынырнул. Он плавал, как тюлень. Несколько размеренных взмахов, и он подтянулся на руках,

выбираясь на палубу. И, не теряя времени, исчез в трюмном лазе...

Женский крик повторился. Он был едва слышен за расстоянием. Но оборвался он так, будто кричавшая захлебнулась.

— Утонет Сигурд, — сказал один из смотревших.

Хельги оборвал его:

— Замолчи.

В это время с кормы подал голос Халльгрим хёвдинг:

— Не будет особенно несправедливо, если Сигурд получит ту, которую спасёт.

Из-под мачты немедленно отозвались:

— Это будет древняя бабка без единого зуба во рту...

Слышавшие рассмеялись.

Бьёрн снова встал к праву. Повинуясь его команде, мореходы перебирали и натягивали моржовые веревки. Рей вместе с парусом медленно поворачивался. Драккар резал колеблющиеся склоны волн, описывая круг.

Олав кормщик молча следил за покосившейся мачтой купца, то появляющейся между косматыми гребнями, то исчезающей опять.

Но вот чёрный корабль в очередной раз вознёсся к низко мчащимся облакам. И чьи-то зоркие глаза разглядели Сигурда, благополучно выбравшегося из трюма. Воины восторженно закричали. Сигурд был не один. Тоненькая фигурка отчаянно прижималась к нему, вцепившись в плечо. Ветром отдувало длинные косы. Так они и стояли, уже не на палубе, а на бортовой доске, держась за ванты и глядя на подходивший драккар. Корабль под ними всё круче падал набок, погружаясь в зовущую глубину. Потоки пенящейся воды перекачивались через него без помехи. Ещё немного, и он унесёт с собой и Сигурда, и его добычу. Суровый Бог Ньёрд часто требует жертв...

— Вёсла на воду! — приказал Бьёрн.

Он командовал ровным голосом, без суеты. В двадцать четыре зимы Бьёрн кормщик мог поспорить с кем угодно из стариков.

Драккар ринулся вперёд, как застоявшийся жеребец. Волны тяжело били его в скулу. Корабль вставал на дыбы, словно готовясь взлететь. Потом палуба проваливалась под ногами, и через борт хлестала вода. На вёсла сели все, кто мог. И Видга, и Олав, и двое Виглафссонов. Сигурда надо было спасать.

Из трюма подняли двоих немцев покрепче и вручили им по деревянному ведру. Сознавая опасность, пленники принялись работать как одержимые. И лишь изредка поднимали мокрые головы, чтобы взглянуть на пенные стены, вырастающие над бортами, и осенить себя спасительным крестом...

В снастях завывала стая волков.

Забравшись на ветер, Бьёрн вновь развернул драккар к тонущему кораблю. По его слову спрятались все вёсла, кроме одного, и это оставшееся поплыло в воздухе прямо на Сигурда. Чёрный корабль разминулся с купцом на расстоянии в несколько локтей. Сигурд подхватил пленницу, и оба повисли на весле. Морской Бог обождёт.

Десяток рук держал весло с той стороны. Сигурда подцепили за пояс багром и втащили на борт.

— Не промочил ли ты ноги, Олавссон?

Драккар опять шёл прямо по ветру, почти не кренясь. Килевая качка размеренно приподнимала то нос, то корму. Катившиеся волны по очереди подталкивали корабль и с утробным гулом уходили вперёд.

Обоих спасённых, синих и онемевших от холода, раздели донага и принялись растирать.

Девчонка оказалась донельзя тощей и вдобавок смуглой, точно вылепленной из стоялого дикого мёда. Как видно, чужеземное солнце прилежно калило не только её, но и весь этот род. Подобная красота ни у кого не заслужила одобрения, а Хельги, послушав разговоры друзей, только хмыкнул:

— Стоило из-за неё мочить нас всех и топиться самому.

Хальгрим же обратился к Сигурду и сказал:

— Прочитать бы тебя, но, думается, тебе немало и так. Жаль только, что там и впрямь не оказалось замшелой старухи!

Смуглянка всхлипывала на палубе, завернутая в Сигурдов крашенный плащ.

— Я буду звать её Унн, — сказал Сигурд. — Потому что я вытащил её из волны.

4

Имя Норэгр издавна означало дорогу на север. Целый месяц можно было идти на быстроходном боевом корабле вдоль скалистых, изрубленных берегов. С самого юга, оттуда, где в тумане маячили датские острова и зимой дождь шёл чаще, чем снег, и до Финнмарка на севере, где на горизонте белыми призраками высились вечные льды.

Дивно ли, что на столь обширном пространстве обитало великое множество племён?

Транды, раумы, ругии, халейги и ещё многие иные населяли каждый свой надел. И каждое племя называло свою страну гордо и ласково: Трандхейм, Раумсдаль, Рогаланд, Халогаланд...

Язык же здесь был всюду один. Северный, ещё не распавшийся окончательно на урманский, датский и свейский. Племена разнились одно от другого, пожалуй, лишь вышивкой на родовых башмаках, что надевали на ноги умершим. Да ещё пристрастием к тем или иным именам. Ну, то есть в точности так же, как у Звениславки дома: радимичи, кривичи, словене. Всяк своё, всяк сам по себе, а если разобраться — одно...

Людей, населявших Норэгр, на Руси называли «урмане».

Братья Виглафссоны жили в Халогаланде, стране халейгов. На самом севере населённой земли. Дальше к полуночи обитали только кочевники-финны — знаменитые колдуны, хозяева оленьих стад, охотники на волков.

День за днём драккар пробивался на север.

Викинги проводили в море весь день: когда гребли, когда сидели под распущенным парусом. Вечером высаживались на берег.

Иногда им давал приют какой-нибудь незаселённый залив, загромождённый скалами до того, что лишь искусство старого Олава позволяло поставить корабль. Тогда на берегу вспыхивали костры, а на ночь над палубой растягивали шатёр и выставляли караульных.

Иногда же они стучались в чьи-нибудь ворота. И отказа им не было. Попробуй не распахни ворот — продрогшие мореходы, пожалуй, быстренько снимут их с петель... Но не только страх открывал перед ними все двери. Пусть-ка кто-нибудь тронет тех, кто принимал у себя викингов Халльгрима Виглафссона!

Потому угощали их всюду отменно. И пиво на стол подавали хозяйские дочери. И молодые воины, мечтавшие о жёнах, ловили их за руки, приглашали сесть подле себя. А Халльгрим без лишней скупости расплачивался за ночлег и сулился заехать ещё.

Но как-то раз он приказал править к берегу, когда день едва перевалил полуденную черту. Вскоре драккар втянулся в горло фиорда, и Звениславка увидела, как высоко на скалах загорелись дымные костры. Это береговые стражи общались на своё подворье: викинги идут!

Узкий залив тянулся долго. Потом на одном из берегов открылся жилой двор. Звениславка почти ждала, что увидит над крепким тыном торчащие копыя да остроконечные шлемы обитателей двора. Но ошиблась — и отлегло от сердца. Живущие на берегу стояли у края воды, приветственно размахивая руками. Погода в тот день была тихая, драккар неторопливо взмахивал вёслами, и гладкая вода со стеклянным звоном распадалась перед его носом.

Бросили якорь, и Халльгрим первым спустился по сходням. Навстречу шагнул статный мужчина в богатом плаще.

— Я привез тебе рабов, родич, — сказал ему хёвдинг. — И надеюсь, что ты, как всегда, одаришь меня добрым льном. Ну здравствуй, Эйрик Эйрикссон. Велико ли нынче благополучие у тебя в Линсетре?

Имя Линсетр означало место, где возделывают лён.

Воины выудили из трюма всех пленников. Немцы по одному вышли на берег, угрюмо озираясь вокруг. К неволе привыкают не сразу. Им ещё предстояло осознать себя рабами вот этого зеленоглазого Эйрика Эйрикссона. И каждое утро, открывая глаза, видеть перед собой не родную хамбургскую улочку, а невозмутимо спокойный фиорд и крутой лесистый склон горы на том берегу. И станет прежняя жизнь похожей на несбывшийся сон. А тот сон, что снился им теперь, — явью, от которой пробуждения нет...

И хотя всё это было у них ещё впереди, те, кто был ранен, отчего-то хромали больше прежнего.

Хельги покинул корабль одним из последних. И он был единственным, кто вслух не радовался стоянке.

Халльgrim и его люди были в Линсетре дорогими гостями. Вечером собрали пир.

Эйрик Эйрикссон, как подобает хозяину, сидел на почётном сиденье, домочадцы — подле него, гости — напротив. Ярко горел посреди пола выложенный камнями очаг. Отсветы пламени бежали по нарядно завешенным стенам, дым уходил в отверстие крыши.

Рабы внесли столы с угощением. Звениславке такие столы всё ещё казались непривычными — низкие, по колено сидящим. А ели здесь то же, что и всюду в этой стране: рыбу и дичь. Был и хлеб, но совсем не такой, как дома. Потому что неплохо рос здесь один только ячмень, да и тот переводили больше на пиво.

Зато пива подавали вдосталь. И напиток скир, который готовят из кислого молока. Викинги пили по своему обычаю — все вместе, пуская по кругу наполненные рога. И проносили их над очагом, освящая напиток прикосновением огня.

Звениславка сидела рядом с Хельги, по левую руку. И пила сладкую брагу из рога, который ему подносили. Эйрик внимательно разглядывал незнакомку, её нездешний наряд и пуще всего тугую длинную косу. Коса его удивляла — ведь испокон веку девушки носили волосы распущенными, а замужние связывали в узел, прятали под платок. Халльgrim

в конце концов заметил его недоумение и объяснил хозяину так:

— Это Ас-стейнн-ки. Она из Гардарики.

И поглядел на брата, но тот промолчал.

Звениславке неоткуда было знать, что Хельги когда-то сватал за себя сестру Эйрика Эйрикссона, зеленооковую Гуннхильд. Хельги был тогда зрячим и сражался не хуже брата, и красив был не менее, чем теперь, и всё-таки вышло не так, как того хотелось и Эйрику, и ему. Своенравная девушка пожелала распорядиться собой по-иному. И оттого-то у Хельги по сию пору не было жены, да и Эйрик чувствовал себя словно бы виноватым.

Вот он и гадал про себя, кто она для Хельги, эта Ас-стейнн-ки?

Два дня в Раумсдале, в гостеприимном Линсетре, пролетели необыкновенно быстро. Серо-стальное море снова качало драккар. И снова каждое утро Халльгрим хёвдинг продираал глаза первым. И поднимал людей. И те садились на вёсла, не жалуясь на застарелую усталость. Потому что каждый взмах, каждое усилие заросших мозолями рук несло их домой.

5

Было так...

Давно было, но люди запомнили.

Клубились над морем чёрные грозовые тучи.

Запряжённая двумя свирепыми козлами, с грохотом неслась по гребням туч боевая колесница. Спешил на битву с великанами рыжебородый Бог Тор — Перуну словенскому, надо полагать, родной брат. Вздымался в Божественной де-нице чудо-молот, каменный Мьйолльнир. Сокрушал врага и возвращался в метнувшую его руку. И видели люди летящую молнию, и слышали катившийся гром...

Но вот увернулся хитрый великан. Заглушило голос бури проклятие разгневанного Тора! А молот-молния угодил по прибрежным горам.

Дрогнула и раскололась земля. Между расступившимися скалами хлынуло море...

А потом пришли люди и увидели залив, похожий по форме на небесный молот. И назвали его Торсфиорд.

Земля здесь почти ничего не рождала. И потому жители побережья всё больше пытались счастья в море. Глубоко в фиорде, недалеко от святилища Тора, стоял двор, так и называвшийся — Торсхов. Там жил человек по имени Рунольв Скальд. Он тоже был викингом и могучим вождём, и на много дней пути окрест боялись его имени, а пуще того — пёстрого корабля под парусом, выкрашенным в тёмно-красный цвет...

Сыновья Виглафа Ворона бросали якорь у самого выхода к морю. Их жилище называлось Сэхейм — Морской Дом.

Здесь тоже днём и ночью глядели со скал бдительные сторожа. И снова, как и в Линсетре, радостная весть обогнала шедший корабль.

Сэхейм стоял над узкой и глубокой бухтой, в которую даже при самом сильном отливе мог войти драккар. Поэтому ограда вокруг двора имела двое ворот. Одни на суше, другие в воде.

Внутри двора виднелось несколько жилых домов и, конечно, вместительный корабельный сарай. Да и сами дома, сложенные из брёвен и камня, больше всего напоминали опрокинутые корабли: длинные, с выпуклыми киями крыш. Над крышами курились сизые дымки очагов. Свежий ветер, предвестник непогоды, пригибал их к воде. И казалось, будто это сам берег тянулся руками к подходившему кораблю...

Сбросив парус, чёрный корабль скользнул в распахнувшиеся морские ворота.

— Мать! — крикнул Халльгрим хёвдинг, и на берегу родилось эхо. — Мать, встречай!

Звениславка внимательно разглядывала стоящих на берегу. К самому краю воды выбегал из домов всё новый народ — молодые парни, зрелые мужи, женщины, ребятня. Воины, привычно опоясанные мечами, и рабы-трэли, испачканные в навозе.

Содержание

Книга первая НА ЧУЖОМ БЕРЕГУ

Часть первая. МОРСКОЙ ДОМ	7
Часть вторая. ЛЕБЕДИНАЯ ДОРОГА	130

Книга вторая ДАЖДЬБОГОВЫ ВНУКИ

Часть первая. ЗА КОНУНГА!	269
Часть вторая. ДО ОГНЯ И КОСТРА	429

Литературно-художественное издание

МАРИЯ СЕМЁНОВА
ЛЕБЕДИНАЯ ДОРОГА

Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.03.2018. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 28,56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-MSN-10006-03-R